

II. «10 ИЮЛЯ (1830)»*

Интерес Лермонтова к событиям не только русской, но и иностранной общественной жизни ярко обнаружился и в стихотворении «10 июля (1830)».

Прежде всего, должен быть уточнен самый текст стихотворения. Дело в том, что его шестая строка, повидимому, печатается неправильно; изучение автографа, воспроизведенного в собрании сочинений Лермонтова (I, 138—139), в частности изучение особенностей написания поэтом букв «м», «п», «о» и «а» (как в этом автографе, так и в других, например, в автографе «Предсказания»), приводит к выводу, что вместо слова «мрачный», как печаталось до сих пор, правильнее читать «п р о ч н о й» (буква «п» слегка смазана чернилами). Стихи, вернее всего, читаются так:

И снова знамя вольности кровавой
Явился, победы прочной знак...

Это придает обобщающее значение всему стихотворению, смысл которого, таким образом, очевидно, сводится к следующему: снова явившееся знамя вольности — знак неизбежной прочной победы свободы. Мысль поэта оптимистична: знамя вольности может исчезать на время, но оно неизменно является снова (это подчеркнуто троекратным настойчивым повторением, которое дает тон всему тексту: «Опять...», «И снова...», «И снова...»). И в этом неизменном появлении — залог будущей прочной победы вольности.

Итак, отправляясь от конкретного факта народного восстания, Лермонтов подошел к поэтическому обобщению. Отсутствие конца стихотворения не мешает нам представить общее направление его мысли.

Первая строфа имеет в виду восстание за национальную независимость в стране, которая уже в прошлом боролась за свою свободу, одержав какую-то важную победу над «сынами самодержавия»; тема борьбы за национальную независимость, таким образом, переплетается здесь с темой борьбы с «тиранством» (черновой вариант). Во второй же строфе поэт, отталкиваясь от этого современного ему события и делая вывод о конечной победе «знамени вольности», переходит к историческому прошлому, имея в виду европейские события конца XVIII в.: военную «славу» трехцветного французского знамени (символа великой революции) и победы Суворова, одержанные в 1799 г. над французскими войсками.

Какое же конкретное историческое событие могло вызвать эти строки?

Стихотворение имело сначала два варианта толкований до такой степени спорных, что в комментариях к последнему изданию полного собрания сочинений Лермонтова оба они взяты под сомнение: «В стихотворении Лермонтова приветствуется народное восстание. Неоконченный, черновой характер стихотворения и отсутствие каких-либо материалов не позволяют с достоверностью определить, о каком восстании идет речь. Обычно стихотворение комментируется как отклик на июльскую революцию во Франции. По другому предположению оно связано с восстанием горцев на Кавказе»¹.

Первый вариант комментария, восходящий к Висковатову, был обоснован Б. М. Эйхенбаумом, высказавшим предположение, что Лермонтов ошибочно написал «10 июля» вместо «10 августа» и что дата 10 августа является датой написания стихотворения, а не события, о котором идет

* Печатаю эту статью, редакция «Литературного наследства» полагает, что гипотеза, выдвинутая Н. А. Любович, требует дополнительных аргументов.—Ред.

речь. Правда, слова «за независимость страны» при этом кажутся неподходящими к случаю, но автор комментария истолковал их «в общегражданском смысле — за освобождение от тиранства Бурбонов» (I, 458). Едва ли может внушить доверие комментарий, построенный на предположении опески и весьма натянутом толковании строки, которая имеет вполне определенный смысл.

Другое истолкование стихотворения содержится в биографии поэта, написанной Н. Л. Бродским, где оно связывается с восстанием лезгин летом 1830 г., когда 17 июня «в первой же стычке русские потерпели неудачу...»². На это событие, по мнению биографа, Лермонтов откликнулся 10 июля, когда узнал о нем из рассказа кого-либо из Хастатовых или Шан-Гиреев, наезжавших в Москву.

Но это предположение, не подкрепленное, кстати сказать, достоверными фактами приезда кого-либо из указанных лиц в Москву, не согласуется ни с содержанием этого стихотворения, ни с лермонтовскими оценками борьбы горцев.

Стычка 17 июня, о которой говорит биограф, была слишком маловажным событием; она свелась к тому, что грузинский разъезд в составе 17 человек был окружен и взят в плен лезгинской конницей. А следующая неудача (19 июня), выразившаяся в том, что казаки были атакованы в ущелье и разбиты наголову, отнюдь не помешала царским войскам уже в бою 1 июля нанести такой удар противнику, который сразу же подавил начинавшееся восстание. О каком поражении царских войск может идти речь, когда восстание горцев было ликвидировано в две недели? Строки Лермонтова должны были относиться к событию большего масштаба и значения, как в настоящем, так и в прошлом, а не к удачному исходу одного или двух сражений.

Но все восстания на Кавказе до 1830 г., при отдельных неудачах царских войск, всегда кончались поражением горцев и ни разу не принесли им сколько-нибудь длительной победы. Лермонтов никак, конечно, не мог придавать большого значения успеху одного сражения. А самое главное, он не мог бы приветствовать поражение русских войск. Мы ведь знаем, что Лермонтов с чувством большой национальной гордости говорил о русских солдатах, о казаках — «сынах неустрашимых Дона», которых видели на своих берегах реки Германии и Франции («Черкесы»), о непобедимости русского оружия («Измаил-бей»). Мы не имеем оснований считать, что в 1830 г. Лермонтов был в этом отношении совершенно иного мнения, чем в 1828 и в 1832 гг., т. е. что он мог приветствовать поражение русского оружия.

Это соображение является аргументом и против третьего варианта истолкования, содержащегося в одномомнике сочинений Лермонтова (изд. «Московский рабочий») 1949 г. Автор комментария И. Л. Андроников развил замечания Б. М. Эйхенбаума о том, что слова «за независимость страны» и упоминание о Суворове могут относиться к Польше, хотя этому и противоречит заглавие стихотворения (польское восстание началось в ноябре 1830 г.). Считая, что стихотворение относится все-таки к этому событию, Андроников категорически утверждает, что поэт написал заглавие «спустя долгое время и легко мог допустить ошибку» (стр. 475). Однако исследование автографа, проведенное Б. В. Томашевским, привело его к заключению, что «надпись над стихотворением сделана одновременно со стихами». Об этом свидетельствует расположение надписи: трудно предположить, чтобы поэт оставил пробел, в точности необходимый для будущего заглавия, переписывая это стихотворение вслед за другим, занимающим верхнюю часть листа.

Еще труднее связать стихотворение с польскими событиями, исходя из его содержания. Против этого предположения остается в силе аргумент,

приведенный выше по поводу «кавказской» версии. О том, что Лермонтов не мог воспевать поражение русского оружия в борьбе с поляками свидетельствуют те строки в поэме «Измаил-бей», которые, в сущности, и являются косвенным откликом на польское восстание 1830—1831 гг., — откликом, близким к пушкинскому:

Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?
И где вельею русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! И запад и восток,
Быть может, скоро твой разделит рок (III, 235).

Поэма, датированная 10 мая 1832 г., написана в то время, когда воспоминание о польском восстании (ликвидированном в сентябре 1831 г.) было еще достаточно свежо в памяти современников. Взгляды Лермонтова, выраженные в цитированных строчках, несомненно, исключают возможность посвящения им своего стихотворения польскому восстанию.

Вместе с тем имеются исторические факты, с которыми несравненно более естественным образом могут быть связаны лермонтовские строчки. Это — восстание в Албании против турецкого владычества летом 1830 г., довольно подробно освещавшееся в русской и западноевропейской печати.

Первые краткие сведения о нем появились в России в середине июня. «Северная пчела» 14 июня извещала о том, что «в Румелии, Македонии и большей части Албании возникают прежние возмущения, кои уже за несколько лет перед сим причиняли великое опасение...». Не только в этой заметке, но и в ряде других, появившихся позже, это восстание так или иначе связывалось с предшествовавшими им «возмущениями» албанцев: проводились некоторые аналогии, или же, наоборот, подчеркивались особенности настоящего восстания по сравнению с прежними.

Сообщения, печатавшиеся в течение первого месяца, то есть примерно с середины июня до середины июля (в «Московских ведомостях» и «Вестнике Европы» соответственно несколько позже по сравнению с петербургскими газетами), давали в целом общую характеристику этого события, его побудительных причин, целей и средств, которыми располагали восставшие, а также содержали оценку международного значения восстания. В этом отношении интересно, например, известие, напечатанное в «Северной пчеле» 24 июня: «Беспокойства в Албании, не подававшие сначала почти никакой причины к опасениям, приняли в течение последних недель весьма решительный оборот и заставляют страшиться, чтобы в Европейской Турции не последовали новые важные перевороты, кои могут кончиться, как кончилось восстание греков».

Известно, что борьба Греции за свое освобождение от турецкого ига, длившаяся с 1821 по 1829 гг., закончилась (в результате победы России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.) признанием ее независимым государством.

В некоторых сообщениях об албанском восстании указывалось на то, что оно возникло в прямой связи с исходом борьбы греков, и в случае его успеха Турция может оказаться перед лицом серьезного кризиса в своих европейских владениях. А о возможности решительного успеха повстанцев свидетельствовали, как казалось, и массовый характер этого восстания, и боевые качества албанцев, и их героическое прошлое. С этой точки зрения представляет интерес цитированная выше информация «Северной пчелы» от 24 июня; в ней подчеркивалось, что «вся Албания, от одного конца до другого в волнении» и что это восстание отличается от тех многочисленных в Турции бунтов, которые «вызываются частными выгодами, не возбуждающими общего участия». «Нынешнее же восстание

в Албании разительно отличается от обыкновенных там покушений нескольких недовольных корыстолюбцев», — сообщалось в этой заметке, а июльские газеты уже совершенно определенно характеризовали это восстание как борьбу за национальную независимость. Петербургские «Ведомости» 1 июля и Московские — 12 июля перепечатали сообщение, содержавшее определение цели восстания: «Полученные оттуда известия согласуются в том, что к бунту в Албании подали повод возмутители, коих лозунг: „Избавление от турецкого ига и учреждение независимого правления“».

Более полное сообщение было напечатано 5 июля во французской газете «Le Moniteur universel»; оно интересно, между прочим, тем, что в нем проводится грань между военачальниками и народом; в то время, как относительно первых допускается возможность капитуляции (если бы Турция удовлетворила их материальные претензии), то относительно народа эта возможность решительно отвергается, так как он твердо решил сбросить турецкое иго. Корреспондент следующим образом передает лозунги (le cris de guerre) повстанцев: «Избавимся от турецкого ига! Установим независимое и свободное правительство! Не опустим оружия прежде, чем завоюем свободу!». В номере от 17 июля «Северная пчела» напечатала известие, в котором отмечался «воинский порядок» в рядах восставших (в отличие от беспорядка в рядах турецких солдат, которые часто дезертировали или переходили на сторону албанцев) и содержалось следующее заключение: «Судя по всем, принимаемым ими мерам, они не намерены переходить через пределы владений своих, но твердо решились с испытанной своей храбростью сразиться за независимость оных против всякого нападения извне».

«Испытанная храбрость» и другие военные качества албанцев были общеизвестны. Когда за год перед этим, весной 1829 г., в период войны Турции с Россией, возникло было восстание в Албании, и албанские военачальники отказывались подчиняться распоряжениям турецкого командования, в «Северной пчеле» появилось сообщение о том, что Респид-Паша был в свое время назначен верховным визирем, «единственно в том предположении, что за ним последует сильная албанская армия». Такое значение придавала Турция боевым качествам албанцев, проявленным ими в предшествовавших войнах Турции с Россией.

Самая развернутая и полная информация была напечатана во французской газете «National», а оттуда перепечатана в немецкой «Allgemeine Zeitung», от 20 июля. Эта корреспонденция сообщала о народных паломничествах на могилу национального албанского героя Георга Кастриота, боровшегося с турками в XV в. и добившегося тогда независимости своей родины. Имя этого героя, прозванного турками за легендарную храбрость Искандером (Скандербегом) и воспетого в народных албанских песнях, символизировало героическое прошлое албанского народа, его крестьянских масс, поднявших знамя восстания против турецкой феодальной знати³. Вольтер, говоря о Скандербеге, указывал, что Албания была в то время выдающейся по своему героизму страной⁴. И теперь, почти через пять столетий, это имя снова вдохновляло на борьбу за независимость.

Из газетных сообщений было видно, что политика «всепрощения» и денежной компенсации, к которой прибегала Турция на первых порах, чтобы возможно скорее умиротворить Албанию, потерпела крах. «Северная пчела» передавала, например, 19 июля, что великий визирь, направившийся к месту восстания, «взял с собой богатую казну, но кажется, что вследствие независимости Греции, албанцы движимы уже не сребролюбием, но совершенно другим духом». В номере от 10 июля та же газета сообщала, что албанцы, «собрав значительный корпус на границе Македонской, отринули объявленное им всепрощение».

Это событие, о котором Лермонтов впервые мог узнать во время июльского приезда в Москву из Середникова (когда им были написаны стихотворения «1830 год. Июля 15-го», «Булевар» и «Песнь барда»), не могло не заинтересовать поэта. Турецкая империя, против которой восстала маленькая Албания, являлась тогда своего рода символом деспотизма и угнетения всякого рода.

Длительная борьба Греции за независимость от турецкой империи привлекла внимание всей Европы, так как отвечала существенным интересам главных европейских стран (России, Франции, Англии), а русско-турецкая война 1828—1829 гг. сделала особенно «модной» в русской печати тему о Турции. На страницах журналов и газет публиковались тогда различные описания турецкого быта, нравов, а также материалы по истории турецких завоеваний в Европе и борьбы с Турцией русского государства в XVIII и XIX вв.

Война с Турцией дала возможность русским журналам говорить о гибельности деспотического правления, высказываться против «тирании» и порой формулировать обобщающие заключения, которые могли звучать и восприниматься, как скрытая критика самой николаевской действительности.

В этом отношении интересны некоторые статьи «Московского телеграфа», в которых высказывалась, например, мысль о том, что поражение Турции в войне с Россией явилось выражением «воли провидения», покаравшего ее за «деспотический характер своего правительства, почитающего своих подданных рабами, зависящими от произвола не только его самого, но и от произвола мелких чиновников»⁵. Аналогичную мысль высказывал тот же журнал в отзыве о постановке мелодрамы «День падения Миссолунги». Здесь автор утверждал, что существует «предвечный закон»: «не угнетай!», «ознаменованный великими событиями, в коих ясно зрима десница бога, карающая за нарушение велений его». Говоря о борьбе греков, рецензент писал, что они «вознамерились <...> противопоставить просвещение грубому невежеству, священнейшие права народов тиранскому угнетению»⁶.

Публикация отрывка из байроновского «Гяура» на страницах «Галатеи» с заключительными строками:

Знакомый глас услышит грек
И раб вновь будет человек⁷

и перевод вольтеровского «Магомета»⁸ с его тираноборческими тенденциями также показательны в этом плане. Все это, конечно, и подсказало в свое время Лермонтову его маскировку в «Жалобах турка». Вот почему восстание в Албании против Турции могло быть им воспринято как борьба против «тиранства»⁹, деспотизма абсолютной власти, «самодержавия».

Этому могли способствовать те из газетных известий, в которых указывалось, что действия Турции в этот момент согласованы с «российскими полномочными», которые «пользуются решительным влиянием в оттоманском правительстве» до такой степени, что султан «не делает почти никаких распоряжений, не спросивши их совета». Эта заметка была помещена в «Северной пчеле» в соседстве с перепечатанными из «Allgemeine Zeitung» строчками о том, что «ныне все было бы уже в порядке и султан мог бы отдохнуть от великих забот, тревожащих его в продолжении многих лет, если бы не возникшее восстание в Албании»¹⁰.

Таким образом, у читателя могло возникнуть представление, что турецкие действия в Албании также согласованы с «российскими полномочными», и царь заинтересован в подавлении албанцев, хотя это и не соответствовало действительности, так как в случае успешного развития восстания Николай I мог им воспользоваться выгодным для себя образом.

Если прибавить к этому враждебный тон австрийских сообщений об албанском восстании, отраженный в печатном органе русского Министерства иностранных дел, «*Journal de St.-Petersbourg*», и известия о военных действиях против восставших, предпринятых австрийскими войсками — давними военными союзниками русского царизма, — то должно было сложиться впечатление, что героическая Албания вступила в борьбу с «самодержавием» не только турецкого происхождения.

С другой стороны, с именем албанцев, восставших против Турции, у Лермонтова должны были связаться и конкретные поэтические представления. Ведь Албании посвящены были многие строфы Байрона, которого с увлечением читал в это время Лермонтов. В «Паломничестве Чайльд-Гарольда», начатом как раз в Албании (в той самой Янине, которая называлась теперь в газетных известиях «гнездом возмутителей»), Байрон с большой симпатией описал албанских горцев как мужественных людей, надежных в дружбе, опасных в мщении, беспримерных в удали, гостеприимных, самоотверженных и бескорыстных в помощи¹¹. В поэме был выражен горячий протест против турецкого владычества в Албании. В тексте поэмы и в примечаниях к ней Байрон вспоминал и о национальном герое Албании Скандербеге, имя которого, как мы видим, прозвучало на страницах европейских газет в связи с восстанием албанцев 1830 г., напоминая о прежней большой победе Албании, героически завоевавшей когда-то свою независимость. Произведение Байрона должно было дать Лермонтову значительные и конкретные представления об этом малоизвестном тогда крае. Эти представления могли сочетаться с впечатлениями юного поэта о Кавказе, с его симпатиями к свободолюбивым и смелым горцам.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, должны были, очевидно, привлечь внимание Лермонтова к албанским событиям. Заинтересовавшись первыми сообщениями о восстании албанцев, поэт, естественно, мог с не меньшим интересом ожидать дальнейшего развития событий. А они вначале складывались в пользу восставших, словно воскрешая страницы героического прошлого.

Несмотря на попытку турок объявить своей «победой» незначительное отступление одного албанского отряда, двигавшегося к Янине, положение турецких войск расценивалось печатью как весьма невыгодное. Газетные сообщения, публиковавшиеся во второй половине июля и в первой половине августа, отмечали, что повстанцы имеют успехи и пользуются поддержкой соседних народностей. Петербургские «Ведомости» 16 июля, Московские — 26, а «Северная пчела» 19 июля сообщали, что «черногорцы, известные по любви к независимости и храбрости своей, также участвуют в восстании против Порты, стараясь соединиться с албанцами». «Албанцам, как кажется, благоприятствует счастье в войне против Порты», — писала при этом «Северная пчела», а в другом номере сообщала: «С величайшим нетерпением ожидают известий из Албании»¹².

Трудно было иметь представление о действительной хронологии событий. Официальные турецкие сообщения отсутствовали. Газеты пользовались «партикулярными письмами» «с турецкой границы», из Константинополя, из Сербии, из Боснии и из других мест; ни в одном из них нет даты какого-либо сражения.

Таким образом, о последовательности событий можно было (и то приблизительно) заключать лишь на основе тех дат, которыми помечались эти «письма». А расположивши их хронологически (вне зависимости от времени публикации), легко установить, что первые боевые успехи албанцев относятся к концу июня и началу июля н. ст. Так, корреспонденция от 6 июля («Северная пчела», 19 июля) сообщала о вторжении двух корпусов албанцев на турецкую территорию. 8 июля сообщалось

о том, что «великий визирь принужден был отступить от сильного корпуса албанцев и ждет подкрепления из Македонии» («Северная пчела», 24 июля; «Moniteur», 23 июля; журнал «Сын отечества и Северный архив», № XXXI).

Но наибольшее количество июльских сообщений об успехах восставших помечено 10-м числом. Целая серия корреспонденций от 10 июля печаталась различными газетами в разное время — в конце июля и в начале августа — часто в тех самых номерах, где публиковались первые известия об июльской революции во Франции. Так, например, корреспонденция из Константинополя, начинающаяся словами: «Дела Порты идут худо» — напечатана «Северной пчелой» 7 августа, «Московскими ведомостями» — 16 августа и журналом «Сын отечества и Северный архив» — в № XXXII, одновременно с сообщениями об июльских событиях в Париже, а корреспонденция, информирующая о том, что «восстание распространяется все более», помещена в «Московских ведомостях» 13 августа, где напечатана информация о французской революции.

Некоторые из сообщений 10 июля были опубликованы и ранее: «Северная пчела» 26 июля сообщила о том, что сын верховного визиря окружен в Янине албанцами; рядом с этим сообщением было напечатано и другое, как бы подчеркивавшее безнадежное положение сына турецкого главнокомандующего сенсационным известием о тяжелом поражении его отца: «В Вене носят слухи, что албанцы разбили на голову посланные против них турецкие войска». О поражении турок и окружении сына верховного визиря сообщила 3 августа «Allgemeine Zeitung» одновременно с известиями об июльских событиях в Париже («Из Константинополя 10 июля»).

Если прибавить к этому сообщение 11 июля («Северная пчела», 29 июля) о том, что в Румелии и Боснии созываются собрания делегатов (синоды) без разрешения султана, который «уже не имеет власти в сих областях своего государства», и о том, что турецкие паши после отступления верховного визиря отказываются повиниться «при сем сомнительном положении», то складывалась картина успешного хода албанского восстания и серьезного поражения турок в этот момент.

Сообщения 10 июля явились в этом отношении как бы вершиной, кульминационным пунктом. Дальнейшие корреспонденции или повторяли в основном прежние известия, или содержали менее значительные сведения. И наконец, в сентябре и октябре были напечатаны сообщения о том, что верховный визирь, не надеясь на силу оружия, «прибегнул к хитрости», в результате которой ему удалось обезглавить и подавить восстание.

Стихотворение Лермонтова, безусловно, создано под непосредственным впечатлением успеха восставших. Значит, оно не могло быть написано при первых известиях о восстании албанцев. Заглавие «10 июля (1830)» и должно означать, по видимому, дату корреспондентских сообщений об этих успехах (поскольку даты самих событий в сообщениях отсутствовали). А так как эти сообщения, как мы видели, становились известны у нас в конце июля и в начале августа, одновременно с известиями об июльских событиях во Франции, вернее всего предположить, что стихотворение было написано в августе, почти одновременно или даже одновременно со стихотворением «30 июля (Париж) 1830 года». Отсюда — общность некоторых интонаций и выражений, а, главное, самого духа обоих стихотворений, проникнутых уверенностью в неизбежной «прочной» победе вольности.

Показательно, что в первом стихотворении поэт дважды подчеркнул дату «10 июля», а в заглавие второго стихотворения — об июльских событиях — ввел дополнительную пометку: «(Париж)»; он словно стремился

уже самими особенностями заглавий подчеркнуть различие событий, которые легли в основу этих стихотворений.

Первоначальный вариант начала стихотворения представляет некоторый интерес для характеристики события, которому оно посвящено. Лермонтов сперва написал:

Опять вы с кликами восстали,

Выражение «с кликами» могло естественно возникнуть под пером поэта, говорящего о любом воинственном народе. (Позже, в поэме «Измаил-бей» Лермонтов употребил слово «клик», говоря о войне горцев Кавказа.) Но имеются основания для того, чтобы это выражение было отнесено именно к албанцам.

В «Паломничестве Чайльд-Гарольда» Байрон говорит о том, что албанские военные песни более походят на крики, чем на мелодии, и в примечаниях приводит в качестве иллюстрации тексты народных песен, которые представляют собою отдельные, почти не связанные между собою восклицания. «Клики» были естественной формой выражения чувств воинственного народа, каким являлись албанские горцы.

Относительно варианта второй строки Б. М. Эйхенбаум предположил, что поэт хотел написать «дальнего» (I, 457), а Н. Л. Бродский «дальнего Кавказа». Но вторые строки этого стихотворения требуют мужской рифмы; поэтому слово «Кавказ» не могло иметь места. Очевидно, Лермонтов хотел написать:

Герои дальней стороны¹³.

Такой вариант также подходит к Албании и совершенно исключает Польшу.

Н. Люб о в и ч

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ М. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1947, стр. 368—369.

² Н. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I. М., 1945, стр. 228. — Ср. описание этого эпизода в кн.: В. П о т т о. История 44 драгунского Нижегородского полка. СПб., 1899, стр. 3.

³ См. книгу о Скандербеге албанского политического деятеля Ноли (George Castrioti Scanderbeg by Bishop Fan S. Noli, 1947, 36 и др.).

⁴ V o l t a i r e. Essais sur les Moeurs des Nations, 1817, p. 245.

⁵ Кс. П о л е в о й. Взгляд на современное состояние турецкого государства. — «Московский телеграф», 1829, № 17, стр. 87—88.

⁶ «Московский телеграф», 1829, № 3, стр. 423.

⁷ «Галатей», 1829, № 19, стр. 181.

⁸ Н. О с т о л о п о в. Магомет. СПб., 1828.

⁹ См. черновой вариант 4-й строки стих. «10 июля (1830)»: «Тиранства низкие сыны».

¹⁰ «Северная пчела», 1830, от 26 июня.

¹¹ Б а й р о н. Соч., т. I. СПб., изд. Брокгауз—Ефрон, 1904, стр. 71 и др. Может быть, Лермонтову была известна и книга спутника Байрона, Д. Гобгауза: «A Journey through Albania during the years 1809—1810», London, 1812.

¹² «Северная пчела», 1830, от 24 июля.

¹³ Предположить здесь слово «стороны» всего естественнее не только потому, что оно близко к слову «страны» в окончательной редакции этой строки, но и потому, что это слово, употребленное в аналогичном смысле, мы находим и в «Романсе к И...», где Лермонтов пишет: «под небо южной стороны», рифмуя со словом «сны» (I, 182); рифмовка со словом «сыны» близка по созвучию к этой рифме.

Повидимому, переписывая в тетрадь это стихотворение, поэт изменил редакцию первой строфы, сохранив все рифмующиеся окончания строк: «восстали» — «пали», [«стороны»] «страны» — «сыны». Предположить, что он мог написать первоначально в конце второй строки: «Кавказа», значит допустить существование совершенно иной первоначальной редакции всего этого стихотворения, — в ином ритме, с одними женскими рифмами и т. д. Но автограф не дает ровно никаких оснований к такому заключению.